

ДЖОН
Вердон

MASTER**DETECTIVE**

**JOHN VERDON
PETER PAN
MUST DIE**

MASTER**DETECTIVE**

**ДЖОН ВЕРДОН
ПИТЕР ПЭН
ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ**

Перевод с английского

Марии Виноградовой

издательство АСТ

Москва

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

В-31

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

This edition is published by arrangement with THE FRIEDRICH AGENCY
and THE VAN LEAR AGENCY

Вердон, Джон.

В-31 Питер Пэн должен умереть: роман / ДЖОН ВЕРДОН; пер. с англ. М. ВИНОГРАДОВОЙ. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2017. — 640 с. (Masterdetective).

ISBN 978-5-17-090059-6

В своем последнем остросюжетном романе Джон Вердон (р. 1942), признанный мастер детективного жанра, предлагает читателю на редкость замысловатую головоломку, поручив решить ее Дэйву Гурни — полицейскому в отставке, который уже успел прославить Вердона блестящими разгадками сложнейших убийств. На этот раз Гурни, действуя как частный детектив, не просто распутывает нити парадоксального преступления, но и разоблачает полицейских, которые провели ложное, недобросовестное расследование, ошибочно вычислили убийцу и закрыли дело, в результате чего в тюрьму попала Кэй Спалтер, обвиненная в убийстве собственного мужа. Подвергая свою жизнь опасности, Гурни нападает на след истинного преступника и, найдя наконец разгадку “дела Спалтеров”, сам цепенеет от того, насколько абсурдной и ужасной оказалась правда.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-090059-6

© 2014 by John Verdon

© М. Виноградова, перевод на русский язык, 2017

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017

© ООО “Издательство АСТ”, 2017

Издательство CORPUS ®

Содержание

Пролог

Задолго до начала убийств

11

Часть первая

Невозможное убийство

15

Часть вторая

Питер Пэн

177

Часть третья

Все мировое зло

403

Часть четвертая

Триумф справедливости

523

Посвящается Наоми

В делах людей прилив есть и отлив,
С приливом достигаем мы успеха.
Когда ж отлив наступит, лодка жизни
По отмелям несчастий волочится¹.

“Юлий Цезарь”, акт 4, сцена 3

1 Перевод М. Зенкевича.
(Здесь и далее примеч. перев.)

Пролог

Задолго до начала убийств

Было время, когда он мечтал стать главой великой страны. Ядерной державы.

У него, президента, всегда под рукой была бы ядерная кнопка. Одним движением пальца он мог бы запускать ядерные ракеты. Уничтожать целые города. Мог бы положить конец вонючему человечеству. Стереть все с этой чертовой грифельной доски — начисто.

Однако с возрастом пришло осознание своих перспектив, более реалистичное понимание возможностей. Он понял: до спускового механизма ядерного оружия ему не дотянуться.

А вот до других спусковых механизмов — запросто. Раз за разом, выстрел за выстрелом — так много чего можно добиться.

И пока он думал обо всем этом — а в подростковые годы он не думал почти ни о чем другом, — планы на будущее медленно обретали контуры. Теперь он знал, кем станет, когда вырастет, — что будет его сферой деятельности, его искусством, областью совершен-

ства. А это уже немало, поскольку до тех пор он не знал о себе почти ничего, не ведал, кто он и что он.

У него не осталось почти никаких воспоминаний о том, что было в его жизни до двенадцати лет.

Только кошмар.

Кошмар, повторяющийся снова и снова.

Цирк. Его мать, совсем крошечная — меньше всех прочих женщин. Ужасный смех. Музыка с карусели. Басовитый, неумолчный звериный рык.

Клоун.

Огромный клоун, который дал ему денег, а потом сделал ему очень больно.

Сипящий клоун, чье дыхание отдавало рвотой.

И слова. В кошмаре они звучали отчетливей некуда — как острые осколки льда, разбитого о камень.

“Это наш секрет. Скажешь кому, я тебе язык вырву и тигру скормлю”.

Часть первая
Невозможное
убийство

Глава 1

Тень смерти

В сельской глуши расположенных к северу от Нью-Йорка Катскильских гор август месяц выдался переменчивым и своенравным, все метался между солнечным блаженством июля и свинцовыми шквалами грядущей долгой зимы.

Такой месяц у кого угодно притупит ощущение времени и пространства. Погода словно бы подпитывала внутренний разлад Дэйва Гурни, его неуверенность насчет собственного места в жизни — разлад, что начался три года назад, когда Дэйв ушел из Департамента полиции Нью-Йорка, и усилился, когда они с Мадлен переехали из города, где оба росли, учились и работали, в сельскую местность.

И вот сейчас, в первую неделю августа, когда близился пасмурный вечер, а вдалеке рокотал гром, Дэйв с Мадлен поднимались на Барроу-хилл по грязной разбитой дороге, что соединяла меж собой три небольшие каменоломни, давным-давно заброшенные и поросшие дикой малиной. Устало плетясь за Мадлен к невысокому валуну, где они обычно останавливались передох-

нуть, он старался по мере сил следовать извечному ее совету: *“Смотри по сторонам. Тут так красиво. Расслабься и впитывай красоту”*.

— Каровое, да? — спросила она.

Гурни захлопал глазами.

— Что?

— Да озеро же.

Мадлен кивнула на глубокий спокойный водоем более или менее правильной округлой формы, образовавшийся на месте выработанного много лет назад карьера. Он тянулся от того места у тропы, где они сидели, до полосы водолюбивых ив на другом берегу — зеркальная гладь футов около двухсот в поперечнике, с почти фотографической точностью отражающая плакучие ветви деревьев.

— Каровое?

— Я тут прочла дивную книгу о пеших прогулках в шотландских горах, — с энтузиазмом отозвалась Мадлен, — так там автор то и дело натывается на “каровые озера”. У меня сложилось впечатление, это что-то вроде озерца среди скал.

— Хм-хм.

Повисла долгая пауза. И снова Мадлен первой нарушила молчание:

— Видишь вон там, внизу? По-моему, курятник надо строить именно там, прямо рядом с аспарагусом.

Гурни понуро разглядывал отражения ив. Подняв голову, он увидел, что Мадлен показывает просвет в лесу чуть ниже по склону. Когда-то там пролежала просека, по которой возили бревна.

Одной из причин для остановки передохнуть именно у валуна на краю старой каменоломни было то, что

за всю дорогу только отсюда и открывался вид на их владения. Старый фермерский дом, клумбы, яблони-переростки, маленький прудик, недавно отстроенный амбар, неухоженные пастбища на склонах холма (поросшие в это время года ваточником и рудбекией), тот кусочек пастбища, который Дэйв с Мадлен подстригали и называли газоном, да выкошенную широкую полосу по самому низу, они величали ее подъездной аллеей. Примостившись на валуне, Мадлен неизменно радовалась этой картине в роскошном обрамлении окрестных лесов.

Гурни не разделял восторгов жены. Мадлен обнаружила это место вскоре после переезда, и в первый же раз, как она показала его Гурни, у того возникла одна лишь ассоциация: находка для снайпера, вздумавшего подстрелить кого-нибудь на входе в дом. (Ему достало ума не делиться этой мыслью с женой. Она три дня в неделю работала в местной психиатрической клинике: не хватало только, чтобы она решила, будто его пора лечить от паранойи.)

Разговор о курятнике — насущная необходимость его постройки, размеры и конструкция, а также место расположения — возникал у них каждый день, к очевидной радости Мадлен и умеренному раздражению Дэйва. По настоянию Мадлен в конце мая они купили четырех кур и пока держали в амбаре, но мысль переселить их на новые квартиры никуда не делась.

— Можно построить отличный курятничек с загончиком между аспарагусом и яблоней, тогда в жаркие дни у них там будет тень, — предложила Мадлен.

— Давай.

Ответ прозвучал безразличнее, чем Дэйву хотелось бы.

Тут разговор и омрачился бы, не отвлекись Мадлен. Она вскинула голову.

— Что такое? — спросил Гурни.

— Прислушайся.

Он замер — дело для него нередкое. Сам он был наделен совершенно обыкновенным слухом, а вот Мадлен — феноменальным. Через несколько секунд, когда шорох ветра в листве затих, Гурни различил где-то вдали, ниже по холму, скорее всего, на ведущей из города дороге, что заканчивалась тупиком у начала их “подъездной аллеи”, смутный гул. Постепенно гул усилился, и он распознал характерное урчание не в меру большого и не в меру шумного восьмицилиндрового мотора.

Он знал человека, который ездил на старом “маслкаре” с точно таким же шумным мотором — переделанном красном “Понтиаке” 1970 года выпуска. Человека, для которого этот треск двигателя служил визитной карточкой.

Джек Хардвик.

Гурни стиснул зубы. Предстоящий визит детектива, с которым его связывала причудливая цепочка пережитых вместе опасностей, профессиональных успехов и постоянных пикировок, не радовал. Не то чтобы такой поворот событий застал Гурни врасплох. В сущности, он ожидал этого с той минуты, как услышал, что Хардвика вынудили уволиться из государственного полицейского бюро криминальных расследований. Гурни понимал: напряжение, испытываемое им сейчас, напрямую связано с тем, что случилось до увольнения Хардвика. Он в большом долгу перед Хардвиком, теперь придется платить по счетам.

Черeda низких темных туч быстро скользила над дальним гребнем, словно отступая перед свирепым ревом красного автомобиля. С того места, где сидел Гурни, уже видно было, как машина движется вверх по склону через скошенный луг к дому. На миг Гурни завладело искушение: просто-напросто пересидеть на холме, пока Хардвик не уедет. Но это ведь делу не поможет, лишь удлинит период тоскливого ожидания неминуемой встречи. Решительно хмыкнув, он поднялся с камня.

— Ты его ждал? — спросила Мадлен.

Гурни удивился, что она помнит машину Хардвика.

— Такой рев не забудешь, — пояснила она, словно бы прочтя по лицу мужа его мысли.

Гурни посмотрел вниз. “Понтиак” остановился рядом с его запылившимся “универсалом” на крохотной самодельной парковке рядом с домом. Могучий мотор неистово взревел, когда ему поддали газу, перед тем как выключить.

— Ждал, в общем. Но не обязательно сегодня.

— А сам-то ты хочешь с ним повидаться?

— Я бы сказал, это он хочет увидеться, а мне хочется поскорее с этим покончить.

Мадлен кивнула и поднялась.

Когда они повернули обратно на тропу, зеркальная гладь озера задрожала под порывом внезапного ветра. Перевернутое отражение неба и деревьев разбилось на тысячи мелких серых и зеленых осколков.

Если бы Гурни верил в предзнаменования, то сказал бы, пожалуй, что разбившееся отражение предвещает беду.

Глава 2

Мразь земли

На полпути к Барроу-хилл, в лесу, откуда дом уже не был виден, у Гурни зазвонил телефон. Он узнал номер Хардвика.

— Привет, Джек.

— Обе ваши машины на месте. Прячетесь в подвале?

— Спасибо, у меня все хорошо. А ты как?

— Где ты, черт побери?

— Иду через вишневую рощу, в четверти мили к западу от тебя.

— По тому склону, где листья от клеща жухнут?

Хардвик всегда умел задеть Гурни за живое. И дело было не просто в беспрестанных мелких уколах и выпадах, и даже не в том, с каким явным удовольствием Хардвик отпускал эти замечания. Нет, это было злое эхо голоса из детства Гурни — безжалостного, язвительного тона отца.

— Ага, по тому самому. Чем могу служить, Джек?

Хардвик кашлянул, прочищая горло.

— Весь вопрос в том, чем мы оба можем друг другу услужить, — с омерзительным пылом откликнулся

он. — Ты мне, я тебе, как-то так. Кстати, я заметил, у тебя дверь не заперта. Не против, если я подожду в доме? Чертова мошкара вконец задрала.

Хардвик стоял посередине просторной комнаты, занимавшей добрую половину нижнего этажа. Вдоль стены была устроена кухня в деревенском духе. В закутке рядом с застекленной двойной дверью стоял круглый сосновый стол, за которым они завтракали. Другая половина комнаты была отведена под гостиную. Здесь главенствовал массивный камин, и еще имелась дровяная печька. По центру стоял обеденный стол в шейкерском стиле и с полдюжины деревянных стульев.

Первое, что поразило Гурни, едва он вошел в комнату, — какое-то странное, потерянное выражение на лице Хардвика.

Даже насмешливый возглас, которым он их приветствовал, звучал чуточку вымученным:

— А где же наша несравненная Мадлен?

— Я здесь, — отозвалась та, с приветливой и в то же время встревоженной улыбкой выходя из кладовки и направляясь к раковине. В руках она держала букетик только что сорванных на лугу цветов, что-то вроде маленьких астрочек. Положив их в сушилку для посуды, она посмотрела на мужа. — Оставлю пока здесь. Найду вазу попозже. Мне надо наверх — пора упражняться.

Когда шаги ее стихли, Хардвик усмехнулся и прошептал:

— Упражнения — путь к совершенству. И в чем она упражняется?

— Виолончель.

— А. Ну да, конечно. А знаешь, за что все так любят виолончель?

— За то, что красиво играет?

— Ах, малыш Дэйви, типичный ответ в стиле “все всерьез, без дураков”, какими ты и знаменит. — Хардвик облизал губы. — Но знаешь, почему именно она красиво играет?

— А попроще сказать слабо?

— И лишит тебя возможности разгадать великолепную загадку? — Он театрально покачал головой. — Да ни в жизнь! Гениям вроде тебя необходимо напрягать мозги. А то прямиком на помойку.

Глядя на Хардвика, Гурни начал потихоньку понимать, что именно с ним сегодня не так. Под покровом язвительной болтовни — обычной манеры Хардвика общаться с миром — чувствовалось непривычное напряжение. Он всегда был резковат, но сегодня в его голубых глазах Гурни читал скорее нервозность, чем резкость. Что-то грядет? Нехарактерное беспокойство Хардвика действовало чертовски заразительно.

Да еще и Мадлен, как назло, выбрала для упражнения особенно дерганую пьесу.

Хардвик бродил по комнате, проводил рукой то по спинкам стульев, то по уголкам столов, растениям в горшках, декоративным плоскам, бутылкам и подсвечникам, купленным Мадлен по сносной цене в местных антикварных лавочках.

— А мне тут нравится! Красота! Чертовски аутентично. — Остановившись, он провел пятерней по рано поседевшим коротко стриженным волосам. — Ты ж понимаешь, о чем я?

— О том, что это чертовски аутентично?

— Глубинка в чистом виде. Погляди только на эту железную печку — сделано в Америке, — она ж насквозь американская, как какие-нибудь чертовы блинчики. А энти вот широкие половицы — прямые и честные, как деревья, из которых вытесаны.

— Эти вот половицы.

— Что-что?

— Не энти, а эти.

Хардвик прекратил рыскать по комнате.

— Ты, черт возьми, о чем?

— Ты просто так приехал или у тебя дело есть?

Хардвик поморщился.

— Ах, Дэйви, Дэйви, деловой, как всегда. Напрочь игнорируешь мои попытки обменяться парой приятных фраз, соблюсти светские приличия, подпустить пару дружеских комплиментов пуританской простоте твоего домашнего убранства...

— Джек...

— Ладно. Дело превыше всего. Где сядем?

Гурни показал на круглый столик рядом с застекленной дверью.

Они уселись друг напротив друга. Гурни выжидающе подался вперед.

Хардвик прикрыл глаза и с силой потер лицо руками, словно пытаясь избавиться от глубоко въевшегося зуда. Потом положил руки на стол и начал:

— Ты спросил, есть ли у меня дело к тебе. Да, есть. Возможность. Знаешь эти строчки из “Юлия Цезаря” про прилив в делах людей?

— Это о чем?

Хардвик весь подался вперед, словно в этих словах заключалась глубинная тайна жизни.

— “В делах людей прилив есть и отлив, с приливом достигаем мы успеха. Когда ж отлив наступит, лодка жизни по отмелям несчастий волочится”.

— Ты это специально для меня заучил?

— Со школы помню. Через всю жизнь пронес.

— Что-то никогда от тебя не слышал.

— Просто подходящей ситуации не возникало.

— А теперь?

Уголок рта Хардвика дернулся, как от тика.

— А теперь настал момент.

— Прилив в твоих делах?

— В наших.

— Наших с тобой?

— Именно.

Гурни немного помолчал, глядя на возбужденное, озабоченное лицо собеседника. Этот неожиданный облик Джека Хардвика — открытый и серьезный — лишил душевного равновесия куда сильнее, чем извечный его цинизм.

На мгновение воцарилась тишина. Слышалась лишь ломаная мелодия пьесы начала двадцатого века, над которой Мадлен билась всю прошлую неделю.

Губы Хардвика снова чуть заметно дрогнули.

Видеть это во второй раз и ждать, когда они дернутся в третий, было уже совсем неважно. Для Гурни это означало лишь одно: расплата, которую потребуют от него за многомесячный долг, окажется очень весомой.

— Так ты намерен объяснить, о чем это ты? — спросил он.

— Я о деле по убийству Спалтера. — Последние слова Хардвик подчеркнул с неповторимым сочетанием

значимости и презрения. Глаза его были устремлены на Гурни, словно в ожидании должной реакции.

Гурни нахмурился.

— Женщина, застрелившая богатого мужа-политика в Лонг-Фоллсе?

Несколько месяцев назад эта история стала сенсацией.

— Именно.

— Насколько я помню, приговор был стопроцентно обвинительный, без сомнений. Дамочку буквально завалило уликами и показаниями свидетелей. Не говоря уж о маленькой дополнительной детали — ее муж, Карл, скончался во время суда.

— Именно.

К Гурни начали возвращаться подробности.

— Она стреляла в него на кладбище, прямо над могилой матери, верно? Выстрелом его парализовало, превратило в овощ.

Хардвик кивнул.

— Овощ в инвалидном кресле. Овощ, которого обвинение каждый день притаскивало на заседание суда. Омерзительное зрелище. Постоянное напоминание присяжным, что его жену судят за то, что она с ним сотворила. Пока, разумеется, он не помер в разгар процесса, после чего они его привозить перестали. Но процесс продолжили — просто сменили обвинение с покушения на убийство.

— Спалтер ведь был богатым брокером по недвижимости, да? И незадолго до того объявил, что баллотируется в губернаторы как независимый кандидат.

— Ага.

— Против преступности. Против коррупции. Бой-

кий лозунг. “Пришла пора избавиться от мрази”. Что-то такое.

Хардвик подался вперед.

— Точно. Дословно, малыш Дэйви. Он в каждой речи умудрялся ввернуть что-нибудь про мразь земли. Каждый раз, чтоб меня. “Мразь земли плавает на поверхности выгребной ямы политической коррупции”. Мразь земли то, мразь земли это. Любил Карл подчеркнуть основную идею.

Гурни кивнул.

— Припоминаю, что жена вроде изменяла ему и боялась развода, который вылился бы ей в миллионы, если только муж не умрет раньше, чем изменит завещание.

— Все так, — улыбнулся Хардвик.

— Так? — Гурни недоверчиво уставился на него. — Это и есть та самая неповторимая возможность, о которой ты говорил? Дело Спалтеров? Если ты не заметил, дело Спалтера закончено, закрыто и убрано в архив. Если мне не изменяет память, Кэй Спалтер отбывает свои двадцать пять в тюрьме строгого режима в Бедфорд-Хиллс.

— Чистая правда, — подтвердил Хардвик.

— Тогда о чем, черт возьми, мы толкуем?

Хардвик растянул губы в медленной улыбке, на чисто лишенной настоящего веселья, — одна из тех типично драматических пауз, которые он так любил, а Гурни терпеть не мог.

— Мы говорили о том, что... дамочку подставили. Обвинение против нее — бред собачий, от начала и до конца. Чистейший... незамутненный... бред. — Снова то же подрагивание уголков губ. — Суть такова: речь идет о том, чтобы снять с нее обвинение.

— Откуда ты знаешь, что это все бред?

— Ее подставили. Коп попался нечестный.

— Откуда ты знаешь?

— Я вообще много чего знаю. И мне много чего рассказывают. У того копа есть враги — и не без причины. Он не просто нечестный, он настоящая дрянь. Законченный сукин сын.

Гурни никогда еще не видел в глазах Хардвика столько ярости.

— Отлично. Скажем, ее подставил нечестный коп. Скажем даже, она ни в чем не виновата. Какое это имеет отношение к тебе? Или ко мне?

— Помимо такой мелочи, как правосудие?

— Что-то выражение твоих глаз к правосудию никакого отношения не имеет.

— Еще как имеет. Самое прямое, и именно к правосудию. Система меня поимела. Так что теперь я хочу поиметь систему. Честно, законно и исключительно на стороне справедливости. Они меня выставили, потому что всегда хотели. Я самую малость налажал с теми документами по делу о Добром Пастыре, которые передавал тебе. Обычное бюрократическое дерьмо, а этим гадам только дай предлог, тотчас же ухватились.

Гурни кивнул. Он все гадал, всплывет ли в разговоре этот долг — полученная им выгода, понесенный Хардвиком убыток. Что ж, можно больше не гадать.

Хардвик продолжил:

— Так что теперь я начинаю свое дело как частный детектив. По найму. И моей первой клиенткой будет как раз Кэй Спалтер — через адвоката, который занимается ее апелляцией. Так что моя первая победа должна наделать шума.

Гурни помолчал, обдумывая услышанное.

— А я?

— Что?

— Ты сказал, это шанс для нас обоих.

— Так и есть. Для тебя эта история может стать венцом, чтоб ее, карьеры. Прими участие в деле, порви его на куски и сложи снова в правильном порядке. Дело Спалтеров было сперва преступлением десятилетия, а потом — подставой века. Ты разберешься в нем, выступишь, а заодно надерешь задницы кое-каким ублюдкам. И сделаешь еще одну зарубку на прикладе, Шерлок. Здоровенную, твою мать, зарубку.

Гурни медленно кивнул.

— Идет, но... ты же приехал в эту даль не только для того, чтобы дать мне возможность надрать ублюдкам задницы. Почему ты хочешь привлечь именно меня?

Хардвик пожал плечами и набрал в грудь побольше воздуха.

— По массе самых разных причин.

— И самая главная?

Похоже, Хардвику впервые стало трудно подобрать слова.

— Чтоб ты помог мне повернуть ключ на четверть оборота и заключить сделку.

— Так никакой сделки еще нет? Мне казалось, ты сказал, Кэй Спалтер — твоя клиентка.

— Я сказал — она станет моей клиенткой. Только сперва требуется уладить кое-какие юридические мелочи.

— Мелочи?

— Поверь мне, все схвачено, надо просто нажать на правильные кнопки.

Снова нервное подергивание. У Гурни у самого челюсти сжались.